В настоящее время он работает над обстоятельным описанием этого собрания, которое содержит, в частности, русские рукописи XVII в.

Прежде чем перейти к краткой характеристике работ по отдельным областям древнерусской литературы, начиная с Киевского периода и кончая XVII в., следует назвать две статьи, которые хотя и не посвящены непосредственно древнерусской литературе, но все же некоторым образом касаются ее предыстории. Речь идет об истолковании известного места в VIII главе жития Константина, где говорится о том, что Константин в 860/61 г. нашел в Херсонесе Евангелие с Псалтирью, написанное «русскими» письменами. В то время как большинство советских исследователей защищают тезис о славянском характере этих письмен, F. Liewehr письмена, обозначенные в качестве «русских», понимает как готские (Wie Konstantin-Kyrill mit Wulfilas Bibelübersetzung bekannt wurde. — Beiträge zur Namenforschung, III, 1951/52, стр. 287—290). В противоположность этому D. Gerhardt предлагает конъектуру «соурьскъ» вместо «роусьскъ» и на основании ее объявляет породившее столько споров Евангелие сирийским (Goten, Slaven oder Syrer im alten Cherson? Ein Nachtrag. — Beiträge zur Namenforschung, IV, 1953, стр. 78—88).

Мюнхенский славист-музыковед E. Koschmieder в своей работе «Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente», I. München, 1952 (= Abhandlungen der Bayrischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, N. F. 35); II, München, 1955 (= N. F. 37) вступил в почти неисследованную и находившуюся в полном пренебрежении в течение последних десятилетий область древнерусских церковных песнопений.[11] В распоряжении автора имелись только фотокопии рукописей, хранящихся в Москве. Carsten Høeg (Копенгаген) использовал появление этой работы в качестве повода для своей статьи «Ein Buch altrussischer Kirchengesänge» (ZSP, XXV, 1956, стр. 261—284). Следующий вклад в изучение этого вопроса принадлежит J. v. Gardner'у, опубликовавшему статьи «Probleme der Erforchung des liturgischen Gesanges der russischen Kirche» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 334—344) и «Die altrussischen neumatischen Handschriften der Bayrischen Staatsbibliothek in München» (там же, II, 1957, стр. 322—328). В первой из этих статей сообщено, между прочим, об открытии мюнхенской рукописи крюковых нот. Происхождение славянской крюковой нотации E. Koschmieder трактует в сборнике в честь Чижевского (стр. 146—152 — «Zur Herkunft der slavischen Krjuki-Notation). Немецкая рецензия на «Русское литургическое творчество» Ф. Спасского (Париж, 1951) написана для ZSP Чижевским (см XXIII, 1954, стр. 210—216).

Вопрос о древнерусских апокрифах кратко затронут в работах: L. Sadnik. Das Schicksal der Apokryphen im Slaventum. — Universitas, II, 1947, стр. 1051—1054; J. Matl. Hölle und Höllenstrafen in den volksreligiösen Vorstellungen der Bulgaren und Serben. — Vorträge auf der Berliner Slawistentagung, стр. 162—175. D. Gerhardt сообщает о древнерусском Физиологе в своем введении к работе J. Siebert'a «Ein russisches Tierbuch aus der Zeit Peters des Grossen» (Archiv für Kulturgeschichte, XXXV, 1953, стр. 212—214). Специальный вопрос критики текста поднят F. Scheidweiler'ом в статье «Sind die Interpolationen im altrussischen Josephus wertlos?» (Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft, XLIII, 1950/51, стр. 155—178). Упомянутые интерполяции представляются автору содержащими известия современных, впоследствии утраченных источников.

---

[11] Подробный разбор этой работы дает A. Vidaković (Wiener Slavistisches Jahrbuch, V, 1956, стр. 174—180).